

Нечай Екатерина Евгеньевна

кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры политологии
Восточного института – Школы региональных
и международных исследований
Дальневосточного федерального университета
<https://orcid.org/0000-0002-8509-5728>

Овчинников Павел Сергеевич

студент кафедры политологии
Восточного института – Школы региональных
и международных исследований
Дальневосточного федерального университета
<https://orcid.org/0000-0003-4507-6298>

**НОВЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКОГО СОЦИУМА
КАК ПОСЛЕДСТВИЕ ВЛИЯНИЯ
ПОКОЛЕНЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ,
ЦИФРОВИЗАЦИИ И УРБАНИЗАЦИИ**

Аннотация:

В статье рассматривается влияние объективных факторов урбанизации и технологизации, а также поколенческих особенностей на социально-политическую реальность современной России. Изучаются ключевые тенденции, которые появляются благодаря обозначенным факторам и также воздействуют на ситуацию в обществе. Авторы опираются на теоретические концепции исследователей модели поколений, цифрового общества и урбанизации. Особое внимание уделяется открытой социологической базе, которая иллюстрирует гипотезы, выдвигаемые в работе. Среди главных факторов, оказывающих влияние на российский социум в настоящий момент, выделяются запросы на участие и справедливость, а также тенденции снижения уровня насилия, отхода от традиционных СМИ и становления всеобщей прозрачности. Авторы резюмируют, что трансформация общества продолжится именно в векторе развития данных тенденций.

Ключевые слова:

молодежь, поколения, цифровизация, урбанизация, миллениалы, зумеры, информационное общество, общество знания

Nechay Ekaterina Evgenyevna

PhD in Political Science, Associate Professor,
Department of Political Science,
Institute of Oriental Studies –
School of Regional and International Studies,
Far Eastern Federal University
<https://orcid.org/0000-0002-8509-5728>

Ovchinnikov Pavel Sergeevich

Student, Political Science Institute
of Oriental Studies –
School of Regional and International Studies,
Far Eastern Federal University
<https://orcid.org/0000-0003-4507-6298>

**NEW VECTORS OF DEVELOPMENT
OF RUSSIAN SOCIETY
AS A CONSEQUENCE
OF THE INFLUENCE
OF GENERATIONAL FEATURES,
DIGITALIZATION AND URBANIZATION**

Summary:

The paper examines the influence of objective factors of urbanization and technologization, as well as generational characteristics on the socio-political reality of modern Russia. The key trends that appear due to the factors described above and also affect the transformation of society are investigated. The authors rely on the theoretical concepts of researchers of the generational model, digital society and urbanization. Special attention in the context of the study is paid to the open sociological base, which illustrates the hypotheses put forward in this work. Among the key factors that affect Russian society at the moment, the authors highlight the demands for participation and justice, as well as trends towards reducing the level of violence, moving away from traditional media and the establishment of universal transparency. The authors conclude that the transformation of Russian society will continue in the vector of development of these trends.

Keywords:

youth, generations, digitalization, urbanization, millennials, zoomers, information society, knowledge society

Современная российская действительность, которая сложилась во многом благодаря капиталистическому укладу и рыночной экономике, в настоящее время претерпевает все более заметные качественные трансформации. Достижение Россией постиндустриального общества и вступление в информационную эпоху сильно модифицировали облик социально-политической системы страны, а также детерминировали движение государства в сторону новых изменений в условиях ожидаемой четвертой промышленной революции (индустрии 4.0).

Кроме того, переход России в постиндустриальное общество поменял логику и характер родов, вновь усилил процессы урбанизации, что, в свою очередь, также повлияло на социально-политическую систему и гражданское общество. Поскольку российский социум все активнее внедряет в свою действительность и все чаще использует новые технологии, проблема их воздействия на гражданское общество и политическую систему становится наиболее актуальной.

Изменился не только материальный мир, но и сами индивиды, их ценности, роли и занятость. Новые поколения, пришедшие на смену родителям, отличаются от них, имеют иные запросы и ценности. Рожденные в свободной России, никогда не видевшие стандартизированное советское общество, дефицит и монополию на СМИ (миллениалы, или поколение Y), а также дети переходного периода 1990-х гг., которые не встретились с бандитизмом и бедностью (зумеры, или поколение Z), имеют качественно новые ценности по сравнению с идеалами прошлых поколений. Нельзя, однако, категорично заявлять, что они не похожи на своих родителей или их ценности кардинально отличаются от присущих остальному обществу, но необходимо принять тот факт, что они «другие».

Целесообразно начать с основных тенденций и степени их влияния на российское общество. Далее рассмотрены три важных фактора, которые определяют современный социум: цифровизацию, урбанизацию и поколенческие изменения.

Цифровизация. Изучение цифровизации и так называемого цифрового общества началось еще в XX в., до того как большинство развитых и тем более развивающихся стран вступили в его границы. Одним из первых, кто попытался отделить современный этап развития от постиндустриального типа, был Й. Масуда, один из пионеров компьютеризации в Японии во второй половине прошлого века. Его книга «Информационное общество как постиндустриальное общество» (1980) стала важной вехой в становлении теории информационного социума. Й. Масуда отмечает: «Информационное общество станет новым типом человеческого общества, полностью отличным от современного индустриального» [1, р. 31–33]. Автор также уточняет, что предыдущие системы инновационных технологий всегда были связаны с материальными производительными силами, но информационное общество – совершенно новый тип социальных отношений. Его сущность – информация, которая нематериальна. Однако Й. Масуда не разделяет постиндустриальное общество и информационное, для него это даже не синонимы, он указывает, что никакого другого общества после индустриального, кроме информационного, не сформировалось, оно пришло на замену первому.

Другой исследователь, Д. Белл, отмечает: «Революция в организации и обработке информации и знания, в которой центральную роль играет компьютер, развивается в контексте того, что я назвал постиндустриальным обществом» [2, с. 330]. Таким образом, автор также пишет об информационной эпохе, обладающей новыми признаками.

Говоря о понятии информационного общества, отечественные исследователи указывают, что оно начало развиваться примерно в середине прошлого века из-за создания электронно-вычислительных машин и вследствие появления компьютеров. Однако стоит отметить, что информационное общество, по мнению Н.В. Литвака, – футурологическая концепция [3, с. 27–30].

Впоследствии новую эпоху стали называть постиндустриальной эрой, информационной эрой, обществом знаний, обществом третьей волны и т. д. Однако нужно сразу обозначить, что все эти термины – теоретические попытки обосновать и зафиксировать многочисленные изменения в социуме, которые наблюдали исследователи. В дальнейшем попытки описать информационное общество были сделаны еще несколько раз, по мере того как новые технологии встраивались в нашу жизнь, появлялись теоретические концепции, посвященные тому, как они могут изменить социум в целом и индивида в частности.

Опираясь на теоретическую базу трудов упомянутых исследователей, можно установить, что новые технологии влияют на все сферы деятельности, начиная от экономики и заканчивая культурой. В данной работе мы рассматриваем, как цифровизация влияет на человека, общество (взаимодействия индивидов друг с другом) и политическую деятельность граждан (отношение индивидов к власти).

Однако в авторитарных и гибридных политических системах возрастающая роль цифровизации размывает монополию власти на информацию, ведь контроль над СМИ и государственное регулирование информации – один из способов управления обществом в период существования тоталитарных политических режимов. Именно контроль над информацией стал опорой стабильности недемократических политических режимов. Эту тему подробно анализируют профессор Sciences Po С. Гуриев и преподаватель Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе Д. Трейсман в статье «Теория информационных автократий» [4].

Теперь Интернет, социальные сети и цифровые технологии дают каждому гражданину возможность производить и распространять информацию любым законным способом. Современные автократии и неконкурентные демократии столкнулись с усиливающейся ролью независимых СМИ, многочисленных блогов, чья повестка может сильно разниться с официальной позицией государства.

Также в бюрократизированных обществах цифровизация имеет дело с вертикалью власти и неэффективным использованием человеческого капитала, что обуславливает низкое качество

услуг, которые предполагает цифровая система. Попытка решить эту проблему с помощью цифровизации сверху, т. е. повсеместного внедрения цифровых технологий, даже там, где уровень цифровой грамотности не позволяет продуктивно работать системе, приводит к очередному снижению эффективности всей системы.

Нельзя не отметить совершенно новую теорию – концепцию «общество знаний» (Knowledge Society), представляющую собой такой тип общественного устройства, в котором знания служат особым средством улучшения жизнедеятельности. Это стало реальным именно благодаря развитию информационных технологий и широкому их внедрению в повседневную жизнь. Следует уточнить, что возможность создавать, хранить и транслировать знания была доступна человечеству практически с начала его существования, однако идея транслирования, перемещения и хранения объемных данных начала воплощаться в жизнь только ввиду возникновения новых технологий. Сторонники обозначенной теории считают, что ключевыми проявлениями внедрения знаний в общество выступили следующие факторы: развитие науки в качестве непосредственной производительной силы, формирование специализированных направлений политической деятельности (научной и образовательной политики), становление нового сектора производства и т. д. [5, с. 44].

В качестве промежуточного вывода необходимо сказать, что переход к информационному обществу накладывает свои особенности на все сферы жизни людей. Государства стараются поставить «на службу» новые технологии, социум меняет характер производства и межличностного взаимодействия благодаря широкой цифровизации и доступности новых технологий, что неизменно приводит к появлению новых тенденций в социально-политической сфере.

Урбанизация. Это ключевой процесс, в отношении которого нужно достичь понимания в вопросе о том, почему наш мир выглядит именно так, а не иначе. Он начался после индустриальной революции, в ходе которой резко возросло производство промышленных товаров и появилась необходимость вовлекать в экономические отношения широкие слои населения. Люди все чаще переезжали из сел в города, что определило расширение городских агломераций на долгие годы.

В настоящий момент урбанизация продолжается, хотя активная ее фаза уже прошла. Подавляющее большинство российских граждан (около 76 %) живут в городах. Это, конечно, формирует социально-политические особенности социума. Необходимо отметить, что люди, проживающие в городах, более политически активны, чем их сельские сограждане, города – это арена, на которой сталкиваются различные группы интересов, пространство, где индивид находит свою политическую субъектность, присоединяясь к группе людей с общими интересами.

Найти разницу между жителями городов и сельской местности попытался немецкий социолог Ф. Тённис, стараясь объяснить дихотомию *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*. В его концепции примером *Gemeinschaft* исторически служит семья или сельская местность в доиндустриальном обществе. *Gesellschaft*, напротив, – это общество модерна, где развиваются капитализм, индивидуализм и безличные денежные отношения между людьми [6].

Чаще всего урбанизацию называют именно политическим процессом, который требует транспарентности, демократии, большего делегирования полномочий и меньшего представительства [7]. Городское население более мобилизовано, образованно, обладает широким кругом социальных связей (т. е. высоким уровнем социального капитала). Каждый горожанин и группа интересов в городе различны, при этом борьба и отстаивание индивидуальных и групповых интересов обеспечивают состояние, необходимое для развития демократии.

Однако нужно заметить, что российские города неоднородны и по уровню урбанизации, и по социально-экономическому развитию. Данный процесс в фундаментальной статье «Четыре России» рассмотрела профессор МГУ Н. Зубаревич. Она предположила, что российское пространство – это не абстрактное единое поле, а четыре кластера: «первая Россия» – мегаполисы и города-миллионники, где сосредоточен российский средний класс и наблюдается относительно высокий уровень доходов. «Вторая Россия» – средние индустриальные города и моногорода. Жители здесь малообразованны и продолжают оставаться занятыми в индустриальном секторе. «Третья Россия» – небольшие города и деревни, люди здесь заняты сельским хозяйством и находятся вне политики, эта территория депопулирует сильнее всего [8]. Автор пишет и о «четвертой России» – республиках Северного Кавказа, Тыве, Алтае, но они нас интересуют меньше.

Необходимо понимать, что помимо урбанизации сегодня активно продолжаются процессы агломерации и конурбации. Из-за высокого уровня неравенства городских агломераций и концентрации значительных финансовых потоков в столице люди из небольших городов все чаще перебираются в крупные, а оттуда – в города-миллионники и мегаполисы. Это та причина, по которой именно большие города выступают двигателями «креативной революции», занимаются внедрением новшеств и концентрируют у себя инновационный, технологический и культурный потенциал страны.

Стоит отметить, что процесс концентрации активного населения в городах – неизбежное благо, данная тенденция развивает креативный класс, повышает уровень его конкурентоспособности. Однако в то же время увеличивается неравенство городских агломераций, что формирует регрессивные тенденции: смерть села, маятниковую миграцию, высокую степень депопуляции небольших городов, значительное социально-экономическое неравенство и т. д.

В связи с повышением уровня жизни граждане меняют объемы своего потребления и запросы к политической системе. Все чаще горожане активно участвуют в жизни района или улицы. Местный (Local) уровень приобретает значение, становится наиболее важным и проблемным сегментом. На человека и политическую культуру социума влияет та общественно-политическая реальность, в которой мы живем, социальные отношения, являющиеся «нормой», формальные и неформальные институты, к которым привык индивид.

Российского горожанина традиционно волнуют несколько областей, постоянно находящихся на повестке дня. Во-первых, это услуги ЖКХ, их качество, стоимость и открытость. Во-вторых, все, что связано со сносом, застройкой и вырубкой парков, особенно если это происходит под окнами у жителей микрорайона. В-третьих, всеобщая автомобилизация городов, загруженность городских автодорог и магистралей, качество общественного транспорта. В-четвертых, дорогое, но вместе с тем низкокачественное жилье.

Именно поэтому в завершении данной части необходимо сделать вывод, что процесс урбанизации серьезно влияет на общественно-политическую систему современной России, меняет ценности городских жителей и их взгляд на политическую деятельность в городском пространстве.

Поколенческие изменения. Попытка объяснить культурные и ценностные различия между родителями и их детьми временем рождения – достаточно новая теория, которая стала интересна социологам только в XX в., когда смертность уменьшилась, а средняя продолжительность жизни возросла по сравнению с показателями традиционного общества. Первым, кто заметил разницу между поколениями, был социолог К. Манхейм, который в произведении «Диагноз нашего времени» писал о различных качественных характеристиках между поколениями из-за социальных переломов, войн и т. д., выражающихся в особых социальных практиках (жестах, юморе) [9]. Особенное внимание он уделял именно молодому поколению, говорил о нем как о *roténs*, т. е. о движении и потенциальной возможности изменить мир.

Современную теорию поколений, которая стала популярна сейчас, создали американцы У. Штраус и Н. Хау. Их главная заслуга – циклическая концепция поколений, которая состоит из нескольких ключевых когорт: бэби-бумеры (послевоенное поколение 1946–1963 гг.); поколение X (1965–1980); поколение Y, или миллениалы (1984–2000); поколение Z, или зумеры (2000–2021) [10]. Однако и ее стоит воспринимать с научным скептицизмом, так как описание повторяющихся образов поколений (архетипов), влияющих на социальную реальность, не претендует на полную и окончательную правду.

В рамках работы интересна сама концепция: исторические условия, в которых родился и вырос индивид, социальные практики, мода, ключевые события, происходившие в период его социализации, влияют на восприятие мира в дальнейшем. Теория поколений связана в большей степени с социализацией и социально-политической культурой, нежели с годом рождения.

Стоит заметить, что для России концепция поколений особенно актуальна из-за слома культурно-ценностных и социальных парадигм, который произошел после распада СССР. В настоящий момент в социальном пространстве активно взаимодействуют несколько поколений, родившихся в СССР, а также те, кто уже не застал Союз, родившись после его распада. Более того, именно те, кто прошел всю «советскую школу» (т. е. стандартизированную социализацию от «октябренок» до политработника), занимают высшие государственные должности и определяют политическую и правовую реальность.

Необходимо понимать, что миллениалы и зумеры отличаются от своих родителей и представителей того «послевоенного» поколения, которое находится у власти сейчас. Как отмечают эксперты в сфере молодежных исследований, нынешние поколения «спокойнее своих старших соотечественников, терпимее к существующим в мире различиям: этническим, религиозным, сексуальным, телесным» [11]. Также молодое поколение более мобильно, критически настроено по отношению к постоянной жизни в одной стране. По данным «Левада-центра», о переезде за границу думали 27 % россиян, а готовы эмигрировать из России 17 %. Среди опрошенных в возрасте от 18 до 24 лет намерение или желание выезда за границу высказывали 41 % [12]. Однако такая тенденция наблюдается не только у отечественной молодежи, но и в других странах мира.

Есть и отрицательные особенности молодого российского поколения, например недостаточная самостоятельность. Это связано с увеличением возраста «молодежи», постоянно меня-

ющимся реалиями, возможностями выстраивать с родителями дружеские и партнерские отношения. Более того, родители продолжают оказывать материальную помощь детям, поддерживая их деньгами или предоставляя жилплощадь [13].

Среди основных тревог зумеров – коррупция и безработица, миллениалов – здравоохранение и профилактика болезней. Исследователи отмечают, что у миллениалов за пределами РФ обеспокоенность вызывают иные вопросы, в том числе изменения глобального климата, безопасность, безработица, а также харассмент [14].

На основании рассмотренных объективных тенденций можно выделить несколько характеристик, которые отражают качественные изменения российской социальной действительности:

1) запрос на участие (данный пункт стоит понимать как желание граждан участвовать в политической жизни страны, более того, делать это не только через своих представителей и систему власти, но и непосредственно через формы прямой демократии, предусмотренные действующим законодательством);

2) запрос на справедливость (эту тенденцию можно объяснить как желание граждан установить верховенство закона и справедливости во всех сферах общественной и политической жизни страны, избавиться от nepотизма и коррупции);

3) тенденция снижения уровня насилия (имеет в виду, что Россия, как и весь остальной мир, столкнулась с глобальным уменьшением числа насильственных преступлений; индивиды стремятся сделать безопасность необходимой ценностью, а покушение на здоровье личности воспринимается как максимально табуированный вариант социального поведения);

4) отход от традиционных СМИ, запрос на правду (т. е. получение информации из различных источников, ее критическая проверка, попытка ограничить распространение пропаганды и постправды в обществе);

5) всеобщая прозрачность (открытость социума благодаря современным технологиям (камерам, информационным устройствам, геолокации), возможность следить за происходящим в абсолютно любой точке мира)).

В данной части работы мы попытались раскрыть специфику описанных тенденций и особенности их проявления в социально-политическом пространстве, выделить значимые события, которые могут на реальных примерах продемонстрировать качественные изменения российского общества.

Запрос на участие. В современном социуме все востребованнее не просто представительство, но личное участие в решении проблем, касающихся граждан (чаще всего это местное самоуправление, вопросы городской территории, услуги ЖКХ, деятельность управляющей компании или НКО и т. д.). Лозунг No Taxation without Representation («Нет налогов без представительства») трансформировался в No Solution without Sanction («Никаких решений без одобрения»), люди хотят, чтобы политические инкубенты спрашивали их мнения и интересовались их запросами. Это проявляется прежде всего в виде созидательных действий граждан и организованных групп, например популярность таких сервисов, как «активный» или «сердитый» гражданин, обусловлена желанием населения донести требования и жалобы до чиновников, которые часто дистанцируются от гражданского общества, не стремясь вникать в их трудности. Создание и усиление роли НКО в современном социуме – последствия влияния этого фактора. Появление фондов помощи детям и животным, специальных сервисов (в частности, для задержанных активистов «ОВД-инфо») или чатов в социальных сетях, где объединяются люди, чья цель – решить общую проблему, – все это выражение запроса на участие, который активно транслируется в обществе.

Однако чаще всего, при неимении возможности или сил воздействовать легально или созидательно, этот запрос трансформируется в протестную волю и проявляется в политических протестах (например, акциях перед выборами в Мосгордуму в 2019 г.; протестах в Ингушетии по поводу Соглашения о закреплении границы между Чечней и Ингушетией; митингах в Хабаровске в связи с арестом экс-губернатора региона С. Фургала; акциях в Екатеринбурге против строительства храма в сквере; митингах в Шиесе (Архангельская область) против строительства мусорного полигона и Куштау (Башкирия) против разработки природной территории и др.). Все эти события были вызваны реакцией на политические решения чиновников и должностных лиц, которые не проконсультировались с населением, что и обусловило общественное недовольство.

Запрос на справедливость. Российские граждане все чаще видят эпизоды несправедливого, как им кажется, отношения политической системы к выборочным лицам, что также становится фактором социальной напряженности и протестной активности. Это могут быть исключительно социальные отношения или, наоборот, только политические события, но все они вызывают реакцию гражданского общества, которое считает несправедливым то или иное решение.

Например, дело И. Голунова стало катализатором этого запроса, когда тысячи людей вышли на митинг в поддержку журналиста, основные информационные агентства, артисты и медийные личности выступили против беззакония со стороны правоохранительных органов. Несправедливыми общественность посчитала и выборы в Московскую городскую думу, куда не допустили ряд оппозиционных кандидатов. Массовые выступления закончились попыткой силовых структур возбудить ряд уголовных дел по статье 212 УК РФ «Массовые беспорядки», однако единого дела так и не было представлено.

Иногда запрос на справедливость не связан с политической сферой, ярким тому примером стало традиционное закрашивание рисунков и граффити краской в крупных городах. Иногда это вызывает серьезный резонанс: удаление «Супрематического креста» Покраса Лампаса или граффити с И. Бродским в Санкт-Петербурге.

Общество и граждане хотят равного и справедливого отношения ко всем группам лиц, а не поощрения одних и запрета других со стороны государства. Все чаще требование справедливости выходит на первое место в социально-политических запросах общественности. Так, данные «Левада-центра» подтверждают, что в России резко увеличивается степень обеспокоенности судебной несправедливостью, полицейским или чиновничьим произволом, нарушением гражданских прав и свобод [15].

Снижение уровня насилия. Объяснить глобальную тенденцию, которую ученые назвали «великим снижением преступности» (Great Crime Drop), социологи пытались демографическими, социальными, экономическими и даже политическими факторами. Мнения экспертов по поводу причины этого явления до сих пор разнятся, но оно продолжает оказывать большое влияние на социально-политическую реальность.

Люди стали меньше убивать и посягать на жизнь и здоровье других. Кроме того, их действия стали менее агрессивными, чем ранее (или по крайней мере изменилось восприятие этих действий в обществе). Если раньше считалось, что драка – естественное социальное явление, обусловленное взрослением или последствиями конфликта, то теперь оно воспринимается максимально негативно. Ценность человеческой жизни возросла в несколько раз – это также одна из особенностей существующей социальной реальности.

Все это влияет и на политическое поведение. Ключевой возможностью наблюдения этого явления стала протестная активность. Массовые протесты в России (2017–2019) и Беларуси (2020) демонстрируют практически полный отказ граждан от насилия по отношению к правоохранительным органам и провластным сторонникам. Наоборот, насилие воспринимается как грубое нарушение общественных правил, вызывает еще большее единение. Протестующие все чаще используют тактику ненасильственного гражданского протеста, которую анализирует американский исследователь Дж. Шарп, опираясь на идеи Махатмы Ганди [16].

Сложно оценить эффективность ненасильственных протестов, однако постоянно снижающийся уровень агрессии в обществе, единение и нежелание противостоять автократам их способами содействуют развитию и популяризации ненасильственных методов.

Отход от традиционных СМИ. Последние данные фонда «Общественное мнение» показывают перманентное динамичное снижение роли телевидения как главного для россиян источника информации. Очевидно, пандемия усилила эту тенденцию. В недавнем исследовании на вопрос «Из каких источников Вы чаще всего узнаете новости, информацию?» 62 % граждан дали ответ «телевидение» (в начале 2020 г. – 65 %). Новостные сайты отметили 51 % (в начале года – 42 %), а форумы, блоги и социальные сети – 32 % (в январе 2020 г. – 21 %) [17]. На вопрос о предпочтении лишь 51 % респондентов выбрали традиционные СМИ, 38 % – Интернет, причем среди опрошенных младше 45 лет Мировая сеть превосходит традиционные СМИ [18].

Нужно отметить, что с уходом от привычных средств массовой информации возрастает роль альтернативных источников: блогов, YouTube-каналов, «стримов», где каждый гражданин может высказывать свою позицию и собирать аудиторию. Возможность создания и распространения повестки дня, отличной от представленной в официальных СМИ, делает Интернет максимально удобным и перспективным способом общения. Это та концепция общества знания (Knowledge Society), в которой именно информация и знания становятся важным фактором политики, экономики, социальных институтов [19].

В связи с этим государство стремится контролировать информацию и управлять знанием, транслируемым в обществе [20]. В данном направлении появляется намерение заблокировать «Телеграм» или принять нормативно-правовые акты, позволяющие контролировать медиапространство, в том числе законы И. Яровой и закон о «суверенном Интернете». Однако мы считаем, что в реальности полный контроль над виртуальным пространством или хотя бы его стандартизация невозможны из-за огромных информационных потоков и большого массива данных.

Всеобщая прозрачность. Как сказано ранее, развитие новых технологий, цифровизация и широкая популярность Интернета стирают грань приватного и общественного. Социологи уже несколько десятилетий изучают постоянно меняющийся концепт «друзья» и «сообщество» в связи с их переходом в социальное пространство, важная тенденция – удаление границы между личным и публичным, приватным и доступным и т. д.

Стоит отметить, что и новые технологии, и интернет-пространство позволили сдернуть «покров тайны» с множества вещей, которые ранее считались приватными. Однако помимо того что теперь все знакомые знают, где и с кем находится индивид, у фактора всеобщей прозрачности есть ряд социально-политических проявлений, которые все больше влияют на людей. Прежде всего она позволяет узнать о всех деяниях политических акторов. Именно благодаря видеозаписи и Интернету становятся обсуждаемыми противоречивые высказывания российских чиновников, пытки в тюрьмах или дедовщина в армии. Возможность зафиксировать и бесконечное количество раз передать информацию обеспечивает широкое знание о событиях в обществе и внутри политической системы.

Однако эта прозрачность имеет и негативные эффекты. Так как из Интернета невозможно полностью и окончательно удалить данные, то прошлое становится постоянным и преследуемым. Если раньше можно было сменить документы, уехать за границу, покинуть публичное пространство, что означало бы и исчезновение человека, то сейчас страница в сети, старые высказывания и фотографии остаются навсегда, это часто влечет за собой отрицательные последствия как для политиков, так и для граждан.

Всеобщая прозрачность и открытость предоставляют новые возможности для контроля со стороны государственных органов власти. Правоохранителям теперь не нужно искать информацию о гражданине, он сам ее выкладывает, иногда становясь заложником своей публичности. Авторитарные государства часто пользуются этим ресурсом для политического запугивания активистов или применения против них репрессирующих практик.

Рассмотрев несколько тенденций, которые возникают в современной России под воздействием цифровизации, новых технологий, урбанизации и поколенческих особенностей, можно сделать вывод, что современный российский социум действительно модернизируется: граждане формируют новые запросы и ценности, а социальные связи внутри самого общества становятся иными. В этих условиях наблюдаются качественные изменения, в том числе запросы на участие и справедливость у граждан, активно проявляющих себя в политической, правозащитной и другой общественной деятельности. Нельзя не отметить также тенденции снижения уровня насилия, отхода от традиционных СМИ, всеобщей прозрачности, запрос на правду. Все это качественно меняет социально-политическую реальность, а вместе с ней и общество в России.

Ссылки:

1. Masuda Y. The Information Society and Post-Industrial Society. Washington, 1981. 171 p.
2. Белл Д. Социальные рамки информационного общества / пер. с англ. Ю.В. Никуличева // Новая технократическая волна на Западе. М., 1988. С. 330–342.
3. Литвак Н.В. Информационное общество: перманентная эволюция. М., 2008. 416 с.
4. Guriev S., Treisman D. A Theory of Informational Autocracy. 2019. April 3. 45 p. <http://doi.org/10.2139/ssrn.3426238>.
5. Концепция «общества знания» в современной социальной теории : сборник научных трудов / отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2010. 234 с.
6. Тённис Ф. Общность и общество / пер. с нем. А.Н. Малинкина // Социологический журнал. 1998. № 3–4. С. 206–229.
7. Урбанизация – это политический процесс [Электронный ресурс] // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). 2017. 19 мая. URL: <https://www.osce.org/ru/magazine/329721> (дата обращения: 31.01.2021).
8. Зубаревич Н. Четыре России [Электронный ресурс] // Ведомости. 2011. 30 дек. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/12/30/chetyre_rossii (дата обращения: 31.01.2021).
9. Манхейм К. Диагноз нашего времени : сборник : пер. с нем. и англ. М., 1994. 700 с.
10. Strauss W., Howe N. Generations. N. Y., 1991. 552 p.
11. Банюкина Е. Старый конфликт на новый лад? Социолог о будущем молодежи [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. 2020. 30 сент. URL: https://spb.aif.ru/society/people/staryy_konflikt_na_novyy_lad_sociolog_o_budushchem_molodezhi (дата обращения: 31.01.2021).
12. Эмиграционные настроения [Электронный ресурс] // Левада-центр. 2019. 4 февр. URL: <https://www.levada.ru/2019/02/04/emigratsionnye-nastroeniya-3> (дата обращения: 31.01.2021).
13. Старый конфликт ...
14. Российская медицина или глобальное потепление. Чего боятся русские миллениалы? [Электронный ресурс] // Центр молодежных исследований ВШЭ. 2020. 13 июля. URL: <https://spb.hse.ru/soc/youth/news/378905334.html> (дата обращения: 31.01.2021).
15. Кузнецова Е., Дергачев В. Социологи назвали главные страхи россиян [Электронный ресурс] // РБК. 2019. 29 окт. URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/10/2019/5db6d15a9a79475c04162c89> (дата обращения: 31.01.2021).
16. Шарп Дж. От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения. 2-е изд., испр. М., 2011. 82 с.
17. Допустимо ли умалчивать общественно важную информацию [Электронный ресурс] // ФОМ. 2020. 19 авг. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14438> (дата обращения: 31.01.2021).

18. ТВ: режим просмотра и предпочтения [Электронный ресурс] // Там же. 18 мая. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14394> (дата обращения: 31.01.2021).
19. Valimaa J., Hoffman D. Knowledge Society Discourse and Higher Education // Higher Education. 2008. No. 56. P. 265–285.
20. Innerarity D. Power and Knowledge: The Politics of the Knowledge Society // European Journal of Social Theory. 2012. Vol. 16, iss. 1. P. 3–16. <https://doi.org/10.1177/1368431012468801>.

Редактор: Тюлюкова Мария Олеговна
Переводчик: Кочетова Дарья Андреевна